

Эноб.

**ИСКУССТВО
ОСКОРБЛЯТЬ**

Александр Невзоров

Эноб.

**ИСКУССТВО
ОСКОРБЛЯТЬ**

Александр Невзоров

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1–9
ББК 84(2Рос=Рус)6–4
Н40

Невзоров, Александр Глебович.

Н40 Искусство оскорблять / Александр Невзоров; кураторы серии Лика Кремер, Илья Данишевский. — Москва: Издательство АСТ, 2018. — 320 с. — (Ангедония. Проект Данишевского).

ISBN 978–5–17–097283–8

«Еретик!» — сказала церковь. «Хулиган!» — сказали чиновники. «Бесстыдник!» — сказали мещане. А Невзоров ответил очередной язвительной колонкой. Легенда ранних девяностых, он вернулся к почтеннейшей публике лучше прежнего: сменил кожанку на костюм, папиросу на трубку, молодую ярость — на горькую иронию зрелости. Неизменна лишь реакция на его тексты: «Он что, издевается, что ли?!» О нет, он абсолютно серьезен. Он врачует раны и бичует пороки, говорит о боге и человеке, России и Америке, религии и истории. Перед вами — книга Александра Невзорова, который прячет свой трагический прищур за ехидной, бесстыдной и совершенно невыносимой улыбкой.

УДК 821.161.1–9
ББК 84(2Рос=Рус)6–4

ISBN 978–5–17–097283–8

© Проект «Сноб»
© Александр Невзоров, текст
© ООО «Издательство АСТ»

Искусство оскорблять

— Т + —

Кратчайший конспект цикла лекций в «Эрарте»¹

Прошу отметить, что я ни к чему не призываю. Более того, мне бы не хотелось, чтобы мои взгляды кто-либо разделял. Массовое должно оставаться массовым, а штучное — штучным. Есть набор представлений, который ни в коем случае не должен становиться общепринятым.

В данный конспектик я надергал самые разные фрагменты своих лекций. Их генеральная тема — абсолютное свободомыслие и, как следствие, мастерство публицистики. А оно порой нуждается в весьма экзотических иллюстрациях. Естественно, в этом качестве я использую темы и образы, наиболее понятные моим слушателям.

Зачем нужно абсолютное свободомыслие? Разумеется, оно не цель, хотя иногда и позволяет наслаждаться необолваненностью. Оно — инструмент, без которого нет смысла заниматься ни публицистикой, ни наукой.

Политика была, есть и будет прекрасным материалом для отработки навыков глумления. Особенно в этом качестве хороша политическая реальность РФ. Она так сочна и маразматична, что трудно представить себе лучший тренажер. Конечно, хулиганская вольность обращения с ее фактурой приходит только в том случае, когда вы совершенно свободны вообще от любых политических взглядов.

Итак, рассмотрим события последнего месяца.

Национальная эрекция, которую так долго вызывал Кремль, наконец-то свершилась. Одновременно встал и вопрос ее дальнейшего применения.

¹ «Эрарта» — музей современного искусства в Санкт-Петербурге.

Но!

Принимающий орган у Сирии оказался ничтожно мал, у Донбасса заминирован, а на Прибалтику чертово НАТО успело нацепить пояс целомудрия. Запасной вариант с Беларусью тоже провалился. Там оказалось все так крепко забито картошкой, что всунуть эрегированное русское величие было некуда. Что теперь делать с этой эрекцией, никому не понятно. Рано или поздно Кремлю снова придется стучать зубами о стакан, напоминая «братьям и сестрам» о волшебных возможностях ладоней.

Этот гадкий момент приближается. Публика соскучилась по державности, то есть по фронтам, застенкам и карточкам. Она хочет в кандалы и под плети. А Кремль таковыми в товарном количестве не располагает. Кроме шоу «ходячее кладбище», ему нечего предложить населению.

До последней минуты теплилась надежда на воскрешение пыточных традиций. Но, как выяснилось, максимум, на что может рассчитывать общество, — это истязание концертом из дурацких развалин. Росстат пока замалчивает цифру умученных виолончелями, но вряд ли она может впечатлить наследников ГУЛАГа.

Как мракобесные, так и либеральные аналитики — в страшном беспокойстве. Они обнюхивают пресс-выделения друг друга и с попугайской настойчивостью диагностируют у оппонентов «вирус фашизма», «революцию» и «русофобию». Они всегда на слезе, им всегда больно. Конечно, пейзаж украсили бы катафалки, но, к сожалению, от боли за отчизну никто из аналитиков пока не умер.

Они скулят, но соглашаются и дальше быть одним из монстриков на диком полотне России. Увы, никто не хочет дистанцироваться и увидеть чумное очарование ситуации. Они не умеют воспринимать страну как грандиозный анатомический театр, где на каждом столе разложены готовые к препарации смыслы и редкие сущности.

Аналитики сами переморочили себе головы своими причитаниями про «отечество», «народ», «мораль», etc. Эти обременения, конечно, милы, но именно они лишают возможности ясно мыслить. Именно от них следует избавляться в первую очередь. Впрочем, как и от любых политических взглядов и пристрастий. Публицист, нагруженный данными понятиями, напоминает анатома, который ходит в прозекторскую не резать, а рыдать.

Лучше не иметь никакой родины, чем культивировать в этом качестве какую-нибудь дрянь. Просто потому, что «так получилось» и «мать». Не следует терпеть сумасшедшую старуху, которая душит внуков и поджигает портьеры. Один проворот глобуса свидетельствует о том, что выбор возможных «родин» достаточно велик. (Разумеется, это не касается тех ситуаций, когда в перспективе маячит очень большое наследство. Тогда можно потерпеть даже портьеры.)

Про «народ» следует забыть, как и про уважение к его «выбору».

Тот факт, что зрители «битвыэкстрасенсов», кричателы «крым-наш» и выпиватели миллиарда бутылок водки выбрали себе кумиров, ни к чему не должен обязывать. Политические предпочтения этой публики имеют такую же ценность, как и их интеллектуальные или культурные пристрастия (то есть нулевую). Понятие «народ» — это всего лишь часть примитивной агитки, сочиненной режимом. Как попы вещают от имени «бога», так и режимы от имени «народа». А упоминание властью этого скользкого понятия говорит лишь о том, что она делает ставку на самые примитивные свойства населения.

Иными словами, никогда не надо упускать возможности поиздеваться над властью. Для этого можно использовать любой предлог, а если его нет, то следует его создать. А уж вытирание ног о различные святыни — это самая важная часть профессии публициста. Впрочем, разнообразие святынь обязывает и к разнообразию подошв. Большинство святынь ядовиты и требуют прочного протектора на башмаках.

К сожалению, закон РФ лишил нас приятной возможности оскорблять чувства верующих. Но осталось еще много всяких «сакральностей», которые по своей глупости ничем не уступают религии. Например, традиции, идеологии и патриотизм.

При этом не следует опасаться повредить чьи-нибудь убеждения. Настоящий патриот никогда не откажется от своей уверенности в том, что кролики живут в шляпе фокусника.

* * *

Кстати.

Качество мышления может иметь и прямой практический смысл. Вспомним Иеремию Бентама. Этот дерзкий для своего времени мыслитель был мумифицирован. Ларец с его останками разместили в холле Лондонского университетского колледжа. Но со временем вокруг мощей Бентама начались загадочные события. Крышка ларца наутро оказывалась отодвинутой. По ночам в холле билось стекло и регистрировались странные звуки.

Как выяснилось, один из лаборантов, г-н Милль, повадился собирать «нечто вроде масла, вытекавшее из головы Бентама». Г-н Милль пояснил, что эта субстанция наилучшим образом подходит для смазки лабораторных хронометров. Ряд опытов подтвердил, что «масло» действительно вне конкуренции.

Разумеется, предположение о связи меж интеллектом Бентама и качеством смазки для хронометров — это абсолютная глупость. Но, как и всякая чушь, данная история может служить прекрасной аллегорией того, как голова ученого служит науке.

* * *

Иногда бывают забавные реплики из аудитории.

В частности, прозвучал вопрос о том, какое произведение художественной литературы на меня повлияло в детстве.

Я честно ответил, что, скорее всего, «Преступление и наказание», которое меня уговорили (по диагонали) прочесть. Я был маленьким и еще не умел защищаться от всей этой макулатуры.

Но от данной книжки определенный смысл все же был. Я хорошо усвоил, что, крупно набезобразничав, никогда не следует терзаться. Именно «угрызения совести» чаще всего и ведут к разоблачению. Они существенно искажают поведение и в результате приводят к «проколу».

Кирилл — просветитель пингвинов, или Истина неподтертого зада

I

Антарктическая проповедь Гундяева имела несомненный успех: шестнадцать пингвинов приняли православие. Вероятно, теперь придется поменять привычный титул на новый: Патриарх Московский и Всея Пингвинов.

Но дело совсем не в новых статусах. Все гораздо стратегичнее. Чудо о пингвинах было явлено «русскому миру» «во утешение», а также для предотвращения возможного раскола церкви после посиделок на Кубе.

Чрезвычайные меры предосторожности понятны. По идее, «русский мир» в феврале мог разорваться на тысячи сект.

Поясним.

Еще недавно лоно РПЦ казалось вечным и уютным. Но кубинский финт ушами перечеркнул всё. Важнейшие традиции православия, по сути, были означены Гундяевым как забавное недоразумение, а убеждения чтимых русских святых — как глупость. Вживую чмокнуть папскую ласту, конечно, не получилось, но, как известно, поцелуи бывают и «воздушными». Православие со всеми его ненавистниками «латинской ереси», вроде Феодосия Печерского и Иоанна Кронштадского, было «слито» за пару часов милой беседы.

Как только таинство большого слива завершилось, то нажалась соответствующая кнопка и в черепах церковных функционеров заработали моторчики. Их жужжание гласило, что на Кубе произошла «встреча тысячелетия», полная непостижимых уму смыслов. Событию был присвоен официальный статус «благодатно-

го». Стало понятно, что при необходимости можно будет оправдать слияние РПЦ даже с культом вуду.

Но!

Никаких потрясений и расколов не произошло.

Не запылали скиты, и не возгремели вериги мучеников. Православная масса просто не заметила обрушение тысячелетней традиции своей веры. Сперва сработал трюк опингвинивания, а затем богомольцев отвлекла няня и другие лабутэны.

В недалеком прошлом значительно меньшие корректировки церковного курса затапливали страну кровью. Самосожжениями и смутами отвечала православная Русь на ничтожные изменения своих духовных традиций.

А вот глобальная выходка Кирилла не произвела на православных вообще никакого впечатления. Конечно, не обошлось без полемик в курилках семинарий. Но там обсуждался лишь один вопрос: правда ли то, что на исторической встрече Франциск сидел в ластах, тщательно прикрытых рясою? (Это, кстати, возможно, т.к. папа откровенно маялся желанием искупаться и ждал завершения тягомотного «слива».)

Завистливое беспокойство семинаристов вызвала и краснота патриаршего носа, что впрочем, легко объясняется кубинской жарой и ромом.

Нос и ласты... Для паствы, которая когда-то легко убивала и умирала за способ сложения пальчиков, это, конечно, несолидно. Деградация очевидна, но причина ее проста. Религиозная вера сегодня — явление чисто декоративное. Конечно, она еще пригодна как повод для доносов, погромов и хамства, но само ее содержание самим же «верующим» абсолютно безразлично.

Вероятно, можно переписать иконостасы, заменив физиономии святых ликами пингвинов. Бунтов не последует. Благочестивая публика возблагодарит начальство и умирится клювикам.

Православие выдохлось. Ничего удивительного. Даже смертоносный уран со временем трансмутирует в химически скучный свинец.

II

Впрочем, среди погасшей паствы РПЦ имеются и исключения. Неопингвиненные уже проглотили слезы, а теперь мечутся и вопиют: где теперь спасти душу свою?

Их терзания, конечно, оправданы. Но бедолаг хочется утешить. Ведь рынок религиозных услуг велик и разнообразен. А уж способы спасения души представлены на нем в самом широком ассортименте.

Есть люксовые методики, а есть и вполне приличные образцы экономкласса. Есть дремучая архаика, а есть и крутой модернизм.

Конечно, верующий человек предпочитает максимально древние способы, справедливо полагая, что чем невежественнее и тупее был изобретатель «душеспасения», тем больше истины в его методике.

Это правильный подход к проблеме. Убежденность в существовании души — неперенный компонент именно дикарских представлений и первобытного мышления. Только ничем не замутненная примитивность рождает подлинную духовность. Не случайно в эпоху раннего христианства так ценилась «*veris ani intersi*», что переводится как «истина неподтертого зада».

Поясним смысл этого красивого термина, который можно употребить как в прямом, так и в переносном смысле.

Для разрешения богословских или мировоззренческих споров всегда приглашался какой-нибудь знаменитый отшельник. Отметим, что антисанитарное состояние старца было лучшим свидетельством его духовности. Разумеется, эффектные вериги тоже имели значение. Но подлинная причастность к богу и истине все же определялась по степени загаженности.

Последуем этой благочестивой логике.

Желая найти лучший способ «спасения души», нам надо выбрать из всех задниц мировой истории самую неподтертую. Ее-то мнение и будет самым авторитетным.

Конкуренция здесь очень высока. Не хотелось бы расстраивать патриотов, но их команда — в аутсайдерах. Конечно, и русская церковь может похвастаться глупостью, дикостью и антисанитарией своих учителей. Но... но в данном жанре существуют образцы более впечатляющие. И гораздо более древние. Соответственно, и способы спасения есть получше, чем долбежка лбом об пол или жевание мяса бога.

С ними следует ознакомиться, сделать свой выбор — и навсегда выбросить из головы ласты и красный нос.

Удивительно изящна методика *приморских даяков*. Их шаманы привязывают к пальцам рук множество рыболовных крючков. В момент отделения души от тела — они ловко подсекают ее, зацепляют и тащат.

Но!

При этом они так орут и колотят в бубны, что еще ни одному этнографу не удалось расслышать ответ на свой вопрос о судьбе пойманной души. Конечно, это не так обидно, как полный иконостас пингвинов, но неопределенность удручает.

У народности *гайда* дело обстоит получше. Их колдуны используют большую полую кость, в которую закупоривают заблудившиеся или отлетевшие души.

У разных дикарей методики душеспасения существенно разнятся. Почему? Дело в том, что не существует единого мнения даже о дислокации души в организме человека. Богословы с костью в носу не могут договориться с богословами в митрах.

Папуасы, парапсихологи, кафры и библейские *евреи* уверены, что она находится в крови. *Тасманийцы, бушмены* и православные *философы* определили местом ее обитания сердце. *Племена овамбо, Платон* и *эскимосы* располагали душу в груди и печени, а платоники обнаружили еще одну (добавочную), таящуюся в пояснично-крестцовом отделе позвоночника. По мнению древних *лангобардов*, душа, имеющая вид змеи, обитает в кишечнике, а у *коряков* ее можно наблюдать на макушке в виде небольшого огонька.

Эта неопределенность усложняет дело спасения. Но, к счастью, *зулусы* изобрели метод, примиряющий все противоречия.

Этот великий народ совсем недавно перестал есть сигареты и узнал их настоящее предназначение. Лидируя в деле духовности, зулусы ревностно относятся к душе и ее спасению. Ими разработана процедура, для которой нужны всего пять барабанов, мешки и коптильня. Иконостас, потиры и купола не требуются.

Как же свершается таинство спасения?

«Преемник умершего отрезает с трупа часть его половых органов, разрезает на куски левую руку, рассекает нижнюю губу и вырезает с середины лба кусок кожи. Все это он коптит на огне, а потом зашивает в мешочки разной величины» (Б. Оля).

Процесс занимает несколько дней. Сопровождается визгом и барабанным боем. Если в период копчения ритм всех пяти барабанов был выдержан правильно, то душе обеспечено и спасение, и практически неограниченный срок хранения. Участие пингвинов в церемонии не предусмотрено.

Двуглавый пенис

— Т + —

Рано или поздно настанет день, когда заплаканные проценты снова будут выть над телом хозяина. Назначится день похорон. Но, пока публика украшается бантиками, а караулы шлифуют печальный канкан, непременно должна свершиться одна пикантная процедура.

Великую голову оскальпируют и пустят в последний распил.

Все будет как полагается. Скальп подвешат на бельевой прищепке, чтобы его ненароком не заблевали приставленные к вскрытию лейтенанты. В обнаженную лобную кость вгрызется болгарка. Мозг извлекут и потискают, чтобы выдавить лишние жидкости и побуревшую кровь. Взвесят, измерят и сделают пару укольчиков. А потом загрузят в формалин.

Опустевший череп скрепят саморезами. Скальп оденут обратно и причешут на косой пробор. Так что, когда лафет затарахтит по брусчатке, в великой голове уже ни будет ни черта.

Через пару недель формалин сделает свое дело. Полушария приобретут приятную резиновость и станут пригодны для изучения. Ничего экстраординарного. Это происходит с мозгом каждого заметного персонажа как местной, так и мировой истории.

Конечно, на вскрытии не всегда дежурят бледные лейтенанты, но сама процедура неизменна. Диктаторы, ученые, литераторы, etc., как правило, укладываются в гроб уже без мозгов.

Дело в том, что до сих пор жива уверенность: через особенности извилин, борозд и желудочков можно разгадать тот «гений и дерзновение», что отличали владельца данного органа от прочих homo.

Это относительно свеженькая тенденция. Ей не более двух столетий.

Разумеется, раньше все было по-другому. Наши деды высоко ценили головной мозг человека. В основании черепа проламывалась дыра, удобная для пролезания лапы, захвата и поедания всех полушарных субстратов. Но когда время питекантропов прошло и нравы огрубели, мозг стали вытряхивать без всякого гастрономического (или иного) применения. Так, в частности, поступали египтяне, любившие сушить и раскрашивать своих покойников. Библия, разумеется, понятия не имела о роли этого органа, а прочие античники полагали, что внутри черепа располагается то же самое вещество, как и в любой другой кости.

Впрочем, вряд ли имеет смысл перечислять все забавности, из которых состоит история постижения мозга. Каждая новая эпоха стремилась глупостью затмить предыдущую.

Но! Несколько фриков, несмотря на насмешки, костры и проклятия, все же ухитрились понять роль головного мозга и связать свои понимания в систему. Своими трудами они создали во времени цепочку утверждений возрастающей точности. Это был долгий и кропотливый процесс, грубо разрушавший массовые представления. В результате свершился очередной парадоксальный «фазовый переход». Мнение единиц поломало убеждения сотен миллионов и стало общепринятым. Человечество согласилось с тем, что своими успехами оно обязано именно головному мозгу.

Поначалу все это забавляло и восхищало. Сложился культ мозга. Но вскоре культ отцепился от реальности и начал жить своей глянцево-жизнью. Кочуя по изданиям, он соседствует с ягодицами моделей и вместе с ними хорошеет. На сегодняшний день гламурный образ «полушарий со стрелочками» окончательно вытеснил научное понимание, основанное на фактах и важнейших теориях.

Почему это произошло?

Дело в том, что научное знание здесь опять поцапалось с догматами культуры. Разумеется, победил миф об уникальности человека, а знание похоронили в скучных монографиях.